

18+

ЗАМКНУТАЯ ЛОГИКА

И. ЗАЙНУЛЛАН

Ильвир Зайнуллин
Замкнутая логика

«Издательские решения»

Зайнуллин И. И.

Замкнутая логика / И. И. Зайнуллин — «Издательские решения»,

Когда система начинает наблюдать сама себя, границы между правдой и интерпретацией исчезают. Детектив Ян и его команда сталкиваются с делом, в котором улики противоречат логике, а логика — самой реальности. Расследование превращается в погружение в структуру, где каждое решение меняет правила игры. Чем глубже они заходят, тем яснее становится: дело не в преступлении — дело в системе, которая уже сделала выбор.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Шум, которого не было	7
Глава 2. То, чего нет в протоколе	9
Глава 3. Архив, который не существует	11
Глава 4. Человек, которого стерли	13
Глава 5. Наблюдатель	15
Глава 6. Пропущенное время	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Замкнутая логика

Ильвир Ирекович Зайнуллин

© Ильвир Ирекович Зайнуллин, 2026

ISBN 978-5-0069-8085-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Иногда система не ломается — она начинает смотреть на себя.

Сначала это едва заметно: небольшие расхождения в интерпретациях, краткие моменты несогласованности, случайные сбои в логике, которые можно принять за шум. Но со временем становится ясно, что это не ошибки и не сбои. Это признаки того, что внутри структуры появился наблюдатель, который не просто фиксирует происходящее, а влияет на сам способ его описания.

С этого момента реальность перестаёт быть единым слоем. Она расщепляется на уровни, каждый из которых претендует на полноту, но ни один не способен исчерпать целое. Интерпретации начинают взаимодействовать друг с другом, вступать в конфликты, искать согласование — и именно в этом процессе возникает нечто большее, чем сумма отдельных частей.

Эта история не о событиях в привычном смысле. Она о переходах. О моментах, когда система вынуждена выбирать не между вариантами действий, а между способами существования. О точках, в которых наблюдение становится частью наблюдаемого, а попытка понять изменяет сам объект понимания.

Здесь нет единственной правильной перспективы. Каждое решение, каждая версия, каждое объяснение существует одновременно с другими, и истина проявляется не как фиксированная точка, а как динамическое равновесие между конкурирующими структурами смысла.

Если вы ищете линейный детектив с чёткой разгадкой и однозначными ответами, эта история может показаться непривычной. Но если вы готовы следить не только за тем, что происходит, но и за тем, как это становится возможным, — тогда перед вами откроется не просто сюжет, а процесс, в котором сама реальность постепенно раскрывает свои механизмы.

И, возможно, в какой-то момент вы заметите, что наблюдаете уже не только за историей.

А история — начинает наблюдать в ответ.

Глава 1. Шум, которого не было

Дождь в ту ночь шел так, будто сам город отказался его принимать. Капли падали с неба, но не звучали — ни привычного барабанного ритма по крышам, ни тихого шуршания по асфальту, ни даже глухого плеска в каналах. Амстердам, обычно наполненный приглушенными голосами, скрипом велосипедных цепей и эхом шагов по мостам, будто провалился в вакуум. Свет фонарей расплывался в воздухе мутными пятнами, словно его кто-то размазывал пальцами, а тени домов казались слишком плоскими, словно вырезанными из бумаги. Инспектор Ян Виссер стоял у входа в узкий переулок и пытался понять, что именно его тревожит — странный дождь, исчезнувшие звуки или ощущение, что сам город наблюдает за ним.

Он не двигался уже несколько минут, просто всматриваясь внутрь переулочка, где тусклый свет выхватывал очертания лежащего тела. Рядом переминался с ноги на ногу его напарник, Де Врис, безуспешно пытаясь прикурить сигарету: зажигалка щелкала, искра появлялась, но пламя гасло раньше, чем успевало коснуться табака. Это раздражало его, но он старался не показывать — лишь иногда бросал быстрые взгляды на Яна, словно ожидая команды. Наконец он не выдержал и спросил, что тот там высматривает, но Ян ответил не сразу, будто слова приходилось вытаскивать из вязкой тишины.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил он тихо, не отрывая взгляда от переулочка, и в его голосе не было привычной уверенности, только осторожность человека, который еще не до конца понимает, с чем столкнулся. Де Врис сначала усмехнулся, решив, что речь о погоде или усталости, но, не получив ответа, нахмурился и огляделся вокруг, словно впервые заметил, что звук действительно исчез. Даже далекий город, который никогда не замолкал полностью, сейчас был странно глух, как будто кто-то накрыл его плотным стеклянным колпаком.

Ян сделал шаг вперед, и его ботинок коснулся мокрой мостовой без единого звука, что окончательно убедило его: дело не в дожде и не в воображении. Он медленно подошел к телу, лежащему почти в центре переулочка, и остановился на расстоянии вытянутой руки. Мужчина, примерно сорока лет, был одет в дорогой костюм, который сейчас выглядел чужеродно в этом месте — слишком аккуратный для такой грязной, заброшенной улицы. Его пальто было расстегнуто, ткань пропиталась влагой, но не прилипла к телу так, как должна была бы; наоборот, казалось, что вода скатывается с него, не оставляя следов.

— Кто его нашел? — спросил Ян, приседая рядом, но не прикасаясь к телу, словно опасаясь нарушить что-то невидимое. Де Врис ответил, что это был курьер, случайно свернувший не туда, и добавил, что, по его словам, всего несколько минут назад здесь никого не было. Эта деталь повисла в воздухе тяжелым грузом: переулок был тупиковым, узким, без окон и камер, с единственным входом, через который они сами только что прошли. Ян медленно осмотрел землю — ни следов обуви, ни следов борьбы, ни даже смещения воды в лужах, которые оставались идеально гладкими, как зеркала, в которых ничего не отражалось.

Он перевернул тело, и в этот момент внутри него что-то едва заметно сдвинулось — не страх, пока еще нет, а предчувствие, что перед ним не просто убийство. Лицо мужчины было спокойным, почти лишенным выражения, но глаза оставались открытыми, и в них не было той привычной мутности, которая приходит со смертью. Они были пустыми, но не так, как бывает у мертвецов — скорее, как если бы из них что-то изъяли, оставив оболочку. Ян задержал взгляд на этих глазах дольше, чем следовало, и только потом заметил знак.

Он начинался у основания уха и тянулся вниз по шее тонкой линией, разветвляясь в сложный узор, который невозможно было сразу понять или запомнить. Это не было похоже ни на татуировку, ни на шрам, ни на ожог в привычном смысле — линия выглядела так, будто она появилась изнутри, словно кто-то провел по коже раскаленной иглой, не нарушив ее поверх-

ности. Ян наклонился ближе, ощущая странный холод, исходящий от этого места, и впервые за долгое время почувствовал, что не может рационально объяснить увиденное.

Де Врис тоже заметил знак и замолчал, забыв о сигарете, которая так и осталась зажатой между пальцами. Он спросил, что это может быть, но Ян не ответил — не потому, что не хотел, а потому что не мог. Его внимание вдруг переключилось на что-то другое, на ощущение, что картина перед ним неполная, что он упускает важную деталь, скрытую не в теле, а вокруг него. Он медленно выпрямился, оглядел переулок, стены, лужи — и только тогда понял, что именно его беспокоило с самого начала.

Дождь не отражался.

Он посмотрел на ближайшую лужу — поверхность воды была гладкой, но в ней не было ни падающих капель, ни кругов, ни ряби. Затем он перевел взгляд на глаза мертвеца — в них тоже не было отражения, ни света фонаря, ни силуэтов людей, ни самого дождя. Это было физически невозможно, и именно поэтому его разум сначала отказался это замечать. В тот же момент телефон в его кармане завибрировал — коротко, без звука, словно подчиняясь той же странной тишине.

Ян достал его медленно, почти не отрывая взгляда от тела, и увидел сообщение без номера и имени, просто текст на темном фоне, который казался слишком ярким в этой приглушенной реальности. Слова были короткими, но в них чувствовалась уверенность человека, который знает больше, чем должен: «Ты уже смотришь на него. Но ты смотришь не туда». Ян перечитал сообщение дважды, прежде чем смысл начал складываться, и в этот момент внутри него впервые за ночь возникло не просто беспокойство, а холодный, отчетливый страх.

Он поднял взгляд, медленно обвел переулок глазами, будто ожидая увидеть кого-то в темноте, но там не было ни движения, ни звука, ни даже намека на присутствие. Де Врис спросил, что случилось, но Ян ответил не сразу, потому что в этот момент понял: дело не в теле, не в знаке и даже не в странном дожде. Дело в том, что кто-то наблюдает за ними прямо сейчас — и этот кто-то уже на шаг впереди.

— Мы здесь не одни, — сказал он наконец, и его голос прозвучал тише, чем он ожидал, словно даже слова не хотели нарушать эту ненормальную тишину. Де Врис попытался отшутиться, но в его улыбке не было уверенности, и он тоже невольно оглянулся. Ян же снова посмотрел на тело, на знак, на пустые глаза и понял, что это только начало — не расследования, а чего-то гораздо более сложного, где привычная логика может оказаться бесполезной.

Глава 2. То, чего нет в протоколе

Утро наступило без рассвета, будто ночь просто сменила оттенок, не отпуская город окончательно. Небо над Амстердамом стало светлее, но не чище — серый цвет лишь разжался до бледного, почти больничного, а каналы, обычно отражающие жизнь города, выглядели как темные разрезы в теле улиц. Инспектор Ян Виссер не спал ни минуты. Он стоял у окна своего кабинета, глядя вниз на редкие машины и прохожих, которые двигались слишком быстро, словно пытались уйти от чего-то, чего сами не понимали. В голове снова и снова прокручивалась сцена из переулка: тело, знак, отсутствие звука, сообщение. Последнее — особенно. Оно не просто нарушало логику расследования, оно разрушало саму идею, что у преступления есть границы.

Кабинет был заполнен привычным беспорядком — папки, отчеты, фотографии старых дел, кружка с остывшим кофе, к которому он так и не притронулся. Все это обычно помогало Яну чувствовать контроль: каждая вещь имела свое место в системе, каждое дело — структуру, каждое преступление — причину. Но сейчас эта система дала трещину. Он провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть усталость, но вместо этого только сильнее почувствовал напряжение, скопившееся где-то в затылке. В дверь постучали коротко и резко, и, не дожидаясь ответа, вошел Де Врис.

Он выглядел хуже, чем ночью: небритый, с покрасневшими глазами и той самой сигаретой, которую он, похоже, так и не выкурил. В руках он держал папку, которую сразу же положил на стол, как будто хотел избавиться от нее как можно быстрее. Ян обернулся, но не стал садиться — он уже знал, что новости не будут простыми. Де Врис молча открыл папку и развернул ее так, чтобы Ян видел фотографии, сделанные на месте преступления.

— Личность установили, — сказал он, и его голос звучал сухо, без привычной иронии. — Маркус Ван дер Хааген. Финансовый консультант. Работал с крупными клиентами, в основном частные инвестиции. Чистая биография, никаких судимостей, никаких странных связей... по крайней мере, на первый взгляд.

Ян наклонился над фотографиями, но смотрел не на лицо, а на шею — на знак, который даже на снимках выглядел так, будто не принадлежит этому миру. Он провел пальцем по краю фотографии, не касаясь самого изображения, и спросил, что показала экспертиза. Де Врис замялся, что само по себе было плохим знаком: он не был человеком, который легко теряется.

— Вот тут начинается... странное, — сказал он наконец. — Время смерти определить не смогли. Вообще. Тело не ведет себя как нормальный труп. Температура ниже нормы, но не падает дальше. Кровь... — он замолчал, подбирая слова. — Кровь не свернулась, но и не течет. Как будто она... остановилась.

Ян медленно выпрямился, чувствуя, как внутри снова поднимается то самое ощущение, которое он испытал ночью — будто реальность слегка сместилась, и привычные правила больше не работают. Он спросил про знак, и Де Врис ответил, что дерматологи и криминалисты не смогли определить способ его появления. Это не ожог, не разрез, не химическое воздействие. Более того, структура кожи в этом месте изменилась на клеточном уровне, словно узор был «встроен» в тело, а не нанесен извне.

— И это еще не все, — добавил Де Врис, перелистывая страницу. — Мы проверили камеры в районе. Ничего. Ни он, ни кто-либо еще не заходил в переулок за последние... — он посмотрел в отчет, — шесть часов до обнаружения. И после — тоже. Он просто... не появлялся.

В кабинете повисла тишина, но теперь она была другой — не той странной, как ночью, а тяжелой, давящей, наполненной фактами, которые не складывались в логическую цепочку. Ян

подошел к столу и наконец сел, опершись локтями о поверхность, сцепив пальцы. Он смотрел на папку, но видел перед собой не документы, а сообщение на экране телефона.

— Я получил сообщение, — сказал он вдруг.

Де Врис поднял голову.

— Какое сообщение?

Ян достал телефон и положил его на стол, развернув экран. Текст все еще был там, как будто ждал, чтобы его снова прочитали. Де Врис наклонился, прочитал и нахмурился, затем взял телефон в руки, проверил номер, журнал вызовов, но быстро понял, что это бесполезно.

— Скрытый отправитель, — сказал он. — Можно подделать.

— Можно, — согласился Ян. — Но не это.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Время.

— В смысле?

— Сообщение пришло в тот момент, когда мы перевернули тело. Не раньше. Не позже.

Де Врис молчал, и этого было достаточно, чтобы Ян понял: он тоже начинает чувствовать, что дело выходит за рамки обычного. Ян откинулся на спинку стула и закрыл глаза на секунду, пытаясь собрать мысли в единое целое. Если кто-то наблюдал за ними в реальном времени, значит, либо у него был прямой визуальный доступ к месту преступления, либо... что-то еще. Он не хотел формулировать вторую мысль до конца.

— Нам нужен его фон, — сказал Ян, открывая глаза. — Не официальный. Настоящий. Клиенты, сделки, личные контакты. Все, что не попало в отчеты.

— Уже начали копать, — ответил Де Врис. — Но есть еще кое-что.

Он достал из папки отдельный лист и положил перед Яном. Это была распечатка старого дела — архивного, с пожелтевшими краями даже в цифровой копии. Ян пробежал глазами текст и сразу понял, что именно привлекло внимание напарника.

— Три года назад, — сказал Де Врис, — похожий случай. Мужчина, найден мертвым, без видимых причин. Тогда решили, что сердечный приступ. Но... — он указал на фотографию, — посмотри на шею.

Ян наклонился ближе.

Знак.

Не идентичный, но похожий — те же линии, та же структура, тот же невозможный способ появления. Ян почувствовал, как внутри что-то окончательно становится на место, но это не приносило облегчения — наоборот, только усиливало тревогу.

— Почему это не всплыло раньше? — спросил он.

— Потому что тогда никто не знал, на что смотреть, — ответил Де Врис. — И потому что дело закрыли за два дня.

Ян медленно кивнул.

Теперь у них было не одно тело.

У них был паттерн.

Он снова посмотрел на телефон, на сообщение, и впервые допустил мысль, которая до этого казалась слишком радикальной: возможно, тот, кто это делает, не просто оставляет следы — он направляет их. Показывает ровно столько, сколько нужно, чтобы их заметили.

— Он хочет, чтобы мы это увидели, — сказал Ян.

— Кто «он»? — спросил Де Врис.

Ян не ответил.

Потому что впервые за долгое время у него не было даже предположения.

И это пугало сильнее всего.

Глава 3. Архив, который не существует

К полудню город начал возвращать себе звуки, но Ян Виссер не чувствовал облегчения — наоборот, каждый шум казался лишним, раздражающим, будто он мешал уловить что-то более важное, скрытое под поверхностью. Гул трамваев, разговоры прохожих, скрип тормозов — все это складывалось в обычную картину жизни, которая теперь казалась ему слишком искусственной. Он шел быстро, почти не замечая дороги, держа в голове лишь одну цель: архив. Не официальный, не тот, где аккуратно хранятся закрытые дела и подписанные протоколы, а тот, о котором не говорят вслух, но который существует в любой системе — место, где оседают ошибки, несостыковки и случаи, которые проще забыть, чем объяснить.

Здание находилось в старой части города, в стороне от туристических маршрутов и административных центров. Снаружи оно выглядело как обычный склад — облупившаяся краска, заколоченные окна на верхних этажах, тяжелая металлическая дверь, на которой не было ни вывески, ни номера. Ян остановился на секунду перед входом, оглянулся, словно проверяя, не следят ли за ним, хотя сам понимал, что если кто-то действительно наблюдает, то он этого не заметит. Он постучал дважды, затем сделал паузу и добавил еще один короткий удар — старый условный сигнал, о котором знали лишь те, кто когда-то уже переступал этот порог.

Дверь открылась не сразу. Сначала раздался глухой звук отодвигаемого засова, затем скрип, и в проеме появился человек, которого Ян не видел уже несколько лет. Старик по имени Хендрикс выглядел так, будто время забыло про него: те же выцветшие глаза, та же сутулая спина, тот же взгляд, в котором читалась смесь усталости и внимательности. Он не спросил, зачем Ян пришел — лишь отступил в сторону, пропуская его внутрь, как будто знал ответ заранее.

Внутри было темно и прохладно, воздух пах бумагой, пылью и чем-то еще — едва уловимым, но неприятным, как запах старой влаги, которая впиталась в стены. Узкие проходы между стеллажами уходили вглубь, теряясь в полумраке, а лампы под потолком светили тускло, создавая ощущение, что свет здесь не рассекает тьму, а лишь слегка ее отодвигает. Ян шел следом за Хендриксом, не задавая вопросов, потому что знал: здесь не принято говорить лишнего.

— Ты давно не приходил, — сказал старик наконец, не оборачиваясь.

— Не было причин, — ответил Ян.

— Значит, теперь есть.

Они остановились у одного из стеллажей, и Хендрикс провел пальцами по корешкам папок, словно читая их на ощупь. Затем он вытащил одну, но не ту, что ожидал Ян — не архивное дело с номером и датой, а тонкую, почти пустую папку без маркировки. Он протянул ее Яну, и тот сразу почувствовал, что внутри нет привычного веса документов.

— Это не официально, — сказал Хендрикс. — Этого нет в системе.

Ян открыл папку.

Внутри был всего один лист.

И фотография.

Он посмотрел на снимок и замер: еще одно тело. Мужчина, лежащий в похожей позе, с тем же выражением пустоты на лице. Ян перевел взгляд ниже — на шею — и увидел знак. Он был сложнее, чем в предыдущих случаях, более разветвленный, словно узор со временем становился детальнее.

— Сколько их? — спросил Ян, не отрывая взгляда от фотографии.

Хендрикс помолчал, затем ответил:

— Официально? Два.

Он сделал паузу.

— Неофициально... больше.

Ян закрыл папку медленно, ощущая, как внутри нарастает напряжение. Он спросил, почему эти дела не были связаны, и Хендрикс усмехнулся — не весело, а скорее устало.

— Потому что каждый раз находилась причина не связывать, — сказал он. — Разные районы, разные обстоятельства, разные эксперты. И каждый раз кто-то говорил: «Совпадение».

— А ты?

Старик впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Я не верю в совпадения, которые повторяются.

Тишина между ними стала плотной, почти осязаемой. Ян снова открыл папку и посмотрел на лист — на нем не было стандартного отчета, только короткие записи, сделанные от руки. Даты. Имена. Места. И рядом с каждым — маленький символ, нарисованный тем же почерком, что и остальной текст.

— Это ты добавил? — спросил Ян.

— Да.

— Зачем?

Хендрикс пожал плечами.

— Чтобы не забыть, как он выглядит.

— «Он»?

Старик не ответил сразу, и Ян почувствовал, как внутри появляется знакомое ощущение — то самое, что было ночью в переулке: будто он стоит на границе понимания, но не может сделать шаг вперед.

— Ты думаешь, это один человек? — спросил он.

— Я думаю, это одно и то же, — ответил Хендрикс.

Фраза повисла в воздухе, не давая опоры, но и не отпуская. Ян хотел уточнить, но в этот момент его телефон снова завибрировал. Резко. Почти настойчиво.

Он достал его, уже зная, что увидит.

Сообщение.

Без номера.

Без имени.

Только текст:

«Ты нашел то, чего нет. Теперь попробуй понять, почему этого нет.»

Ян медленно поднял взгляд на Хендрикса.

— Здесь есть камеры? — спросил он.

Старик покачал головой.

— Никогда не было.

— Интернет?

— Только в офисе. Здесь — нет.

Ян почувствовал, как внутри холод становится плотнее, тяжелее. Он снова посмотрел на телефон, затем на папку в руках, и вдруг понял: дело не в том, что кто-то наблюдает за ним.

Дело в том, что кто-то знает, куда он пойдет.

И что он там найдет.

— Кто еще знает об этом месте? — спросил он.

Хендрикс задумался.

— Те, кто уже не задают вопросов, — ответил он наконец.

Ян не стал уточнять.

Потому что начал понимать.

И это понимание было хуже незнания.

Глава 4. Человек, которого стерли

Обратно Ян шел медленнее, чем обычно, будто сам город стал плотнее, сопротивляясь каждому шагу. Он держал папку под рукой, не убирая ее в сумку, словно боялся, что, если отпустит, она исчезнет так же, как исчезали следы, записи и, возможно, сами люди, связанные с этим делом. Мысли не складывались в четкую линию — они двигались кругами, возвращаясь к одному и тому же: сообщение, знак, архив, отсутствие записей. Все это указывало не просто на убийцу, а на систему, в которой кто-то умел стирать последствия своих действий так же легко, как другие оставляют следы.

Он не заметил, как оказался у здания, где жил Маркус Ван дер Хааген. Современный жилой комплекс из стекла и бетона, с аккуратным входом и системой доступа, которая должна была фиксировать каждого входящего. Ян остановился у двери, глядя на отражение — свое собственное, четкое, правильное, в отличие от того, что он видел ночью. Это дало странное, почти абсурдное облегчение: хотя бы здесь законы физики еще работали.

Внутри его встретил консьерж — молодой мужчина с усталым лицом, который явно уже отвечал на вопросы полиции этим утром и не был рад повторять все заново. Ян показал удостоверение, коротко объяснил, что ему нужно подняться в квартиру погибшего, и добавил, что это займет немного времени. Консьерж кивнул, но в его взгляде мелькнуло что-то вроде сомнения, как будто он хотел что-то сказать, но не был уверен, стоит ли.

— Он... странный был, — сказал он наконец, понижая голос, хотя вокруг никого не было. — Не плохой, нет. Просто... как будто не здесь.

Ян задержал на нем взгляд.

— В каком смысле?

Консьерж пожал плечами, явно пытаясь подобрать слова.

— Он мог стоять в холле и смотреть на дверь. Долго. Минутами. И не двигаться. Я думал, ждет кого-то, но... никто не приходил. А потом он просто уходил.

Эта деталь зацепилась в сознании Яна, но он не стал развивать тему — пока. Он поблагодарил и направился к лифту, чувствуя, как напряжение снова нарастает. Внутри кабины он остался один, и на мгновение ему показалось, что звук движения тоже приглушен, как ночью, но, когда лифт дернулся и тихо зажужжал, он понял, что это лишь остаточное ощущение.

Квартира находилась на восьмом этаже. Дверь уже была опечатана, но Ян снял пломбу аккуратно, фиксируя это на камеру телефона — привычка, доведенная до автоматизма. Внутри его встретила идеальная чистота. Не стерильная, а именно идеальная — как будто здесь не просто убрали, а выверили каждую деталь. Мебель стояла строго на своих местах, на столе не было ни одной лишней вещи, даже книги на полках были расставлены по высоте и цвету.

Ян прошел внутрь, медленно осматривая пространство. Это не было похоже на жизнь. Это было похоже на модель жизни — аккуратную, продуманную, но лишенную спонтанности. Он открыл шкаф — одежда висела ровно, без смещений, как в магазине. Заглянул в кухню — ни крошек, ни следов использования, только идеально чистые поверхности. Даже мусорное ведро было пустым.

— Слишком чисто, — пробормотал он себе под нос.

Он подошел к столу и включил ноутбук, стоявший в центре. Экран загорелся мгновенно, без пароля. Рабочий стол был пуст. Ни файлов, ни папок, ни даже стандартных ярлыков. Ян нахмурился и открыл системные настройки — история использования отсутствовала. Будто устройство никогда не использовали.

Он достал телефон погибшего, найденный на месте, и попытался синхронизировать данные. Ничего. Ни контактов, ни сообщений, ни истории звонков. Даже SIM-карта выглядела новой.

— Человека стерли, — тихо сказал он, и слова прозвучали не как предположение, а как факт.

Он вернулся в гостиную и остановился посреди комнаты, позволяя взгляду свободно скользить по деталям. В таких местах всегда что-то выбивается — мелочь, которую невозможно вписать в общую картину. И он нашел ее.

Картина на стене.

Она была повешена чуть криво — едва заметно, но достаточно, чтобы привлечь внимание в этом идеально выверенном пространстве. Ян подошел ближе и внимательно посмотрел на нее: абстрактный рисунок, линии, пересекающиеся под странными углами. Он прищурился.

Линии.

Похожи на знак.

Он снял картину со стены.

За ней был сейф.

Небольшой, встроенный, без видимого замка — только сенсорная панель. Ян провел пальцами по поверхности, затем остановился. Если система была подключена к чему-то внешнему, любое вмешательство могло оставить след — или наоборот, стереть его.

Телефон в кармане снова завибрировал.

Он даже не удивился.

Достал.

Сообщение:

«Ты думаешь, что открываешь. На самом деле — тебя открывают.»

Ян медленно выдохнул, чувствуя, как раздражение начинает вытеснять страх. Это было важно: страх парализует, раздражение — двигает вперед.

— Тогда посмотрим, — сказал он вслух, хотя понимал, что ответа не будет.

Он снова посмотрел на сейф.

И вдруг понял.

Не код.

Узор.

Он вспомнил знак на шее, затем линии на картине, и осторожно провел пальцем по панели, повторяя последовательность изгибов, которые запомнил. Секунда.

Щелчок.

Сейф открылся.

Внутри не было денег, документов или привычных ценностей.

Только папка.

Такая же, как в архиве.

Без маркировки.

Ян достал ее, открыл — и замер.

На первой странице было его имя.

Ян Виссер.

И под ним — фотографии.

Его.

Разные. С разных мест. С разных лет.

Некоторые он помнил.

Некоторые — нет.

Он медленно перевернул страницу.

И в этот момент понял:

он не просто ведет расследование.

Он — его часть.

Глава 5. Наблюдатель

Ян не сразу понял, сколько времени он простоял, глядя на собственное имя, напечатанное на бумаге чужой рукой. Пространство вокруг словно потеряло четкость: квартира, стены, свет — все стало вторичным, отодвинутым на задний план, как декорация, за которой скрывается что-то настоящее, но пока недоступное. Он перевернул еще одну страницу, затем еще, и с каждой новой фотографией внутри него нарастало ощущение, что он смотрит не просто на свою жизнь, а на чью-то версию этой жизни — отобранную, отредактированную, лишенную контекста, но при этом пугающе точную.

На снимках он был разным. Молодым — в форме, еще до перевода в отдел расследований. Уставшим — с небритым лицом и потухшим взглядом после одного из дел, которое он так и не смог довести до конца. Спокойным — на редких фотографиях, где он просто шел по улице или сидел в кафе, не подозревая, что его фиксируют. Некоторые кадры были сделаны с расстояния, через стекло или отражение, но были и такие, где он находился почти в центре, словно фотограф стоял совсем рядом.

— Это не наблюдение, — сказал Ян тихо, больше себе, чем кому-либо еще. — Это досье.

Он остановился на одной из фотографий дольше остальных. Она была сделана несколько месяцев назад — он стоял у входа в полицейское управление, разговаривая с Де Врисом. Ян помнил этот день. Помнил разговор. Но он не помнил никого, кто мог бы стоять настолько близко, чтобы сделать такой кадр. Это означало только одно: либо наблюдатель был незаметен, либо... Ян не хотел формулировать вторую возможность.

Он перевернул страницу.

Там был текст.

Не отчет, не протокол — заметки. Короткие, точные, без лишних слов. Даты, время, места. И комментарии.

«Реагирует быстрее, чем ожидается.»

«Склонен к сомнению, но не отступает.»

«Пока не понимает.»

Ян почувствовал, как внутри что-то холодеет. Эти записи не просто описывали его поведение — они анализировали его. Как объект. Как переменную в эксперименте.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Ян не торопился его доставать. Он закрыл папку, положил ее на стол, затем только после этого медленно вынул телефон и посмотрел на экран.

«Теперь ты видишь. Вопрос в том — понимаешь ли ты?»

Ян усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Нет, — сказал он вслух. — Но ты очень хочешь, чтобы я понял.

Он убрал телефон в карман и снова посмотрел на папку. Если это действительно досье, значит, оно должно иметь структуру. Логiku. Он снова открыл его, но теперь уже не как человек, который ищет ответы, а как следователь, который анализирует систему.

Он начал с начала.

Фотографии — хронологически.

Заметки — связаны с событиями.

И затем он заметил то, что сначала ускользнуло: пропуски.

Некоторые дни отсутствовали полностью. Не было ни фотографий, ни записей, ни даже упоминаний. Пустоты. Ян провел пальцем по датам, отмечая их про себя, и вдруг почувствовал странное напряжение — как будто эти пробелы были важнее всего остального.

— Что было в эти дни?.. — пробормотал он.

Он попытался вспомнить.

И не смог.

Это не было обычным забыванием. Не «не помню, потому что неважно». Это было отсутствие. Как будто этих дней не существовало вовсе — ни событий, ни эмоций, ни даже ощущения времени.

Ян резко закрыл папку.

— Нет, — сказал он уже громче. — Так не бывает.

Но внутри он уже знал: бывает.

Он снова подошел к сейфу и внимательно осмотрел его внутреннюю поверхность. Пальцы скользили по металлу, пока не зацепились за едва заметную неровность. Он нажал.

Щелчок.

Скрытая панель внутри сейфа отъехала в сторону.

Там был еще один отсек.

Меньше.

И в нем — только один предмет.

Флеш-накопитель.

Черный, без маркировки.

Ян взял его, покрутил в пальцах, затем подошел к ноутбуку и вставил в порт. Экран на секунду погас, затем включился, но уже не так, как раньше. Появилось окно.

Без интерфейса.

Без возможности закрыть.

Только текст.

«Если ты смотришь это, значит, ты дошел до правильного места.»

Ян замер.

Это было не сообщение.

Это была запись.

Экран дрогнул, и текст сменился изображением.

Видео.

Камера была статична. Помещение — темное, без окон, с единственным источником света сверху. В центре стоял человек.

Связанный.

С опущенной головой.

Ян прищурился, пытаясь разглядеть лицо.

И в этот момент человек поднял голову.

Это был Маркус Ван дер Хааген.

Живой.

На записи он выглядел иначе — не так, как тело в переулке. Его глаза были полны страха, дыхание сбивалось, он пытался что-то сказать, но звук не сразу появился. Затем, словно по команде, аудио включилось.

— Если вы это видите... — голос дрожал, но слова были отчетливы. — Значит, я уже... — он запнулся, закрыл глаза на секунду, затем продолжил. — Значит, я уже не там.

Ян сделал шаг ближе к экрану.

— Они наблюдают, — продолжил Маркус. — Всегда. Но не так, как вы думаете. Это не камеры. Не люди. Это... — он замолчал, словно не мог подобрать слово. — Это система. Вы внутри нее. Мы все внутри.

Изображение слегка исказилось, будто сигнал на мгновение дал сбой.

— Если вы нашли это... значит, вы следующий, — сказал Маркус, глядя прямо в камеру.

Экран погас.

Комната снова погрузилась в обычный свет.

Но Ян уже знал:

ничего обычного больше нет.

Он медленно вытащил флешку, сжал ее в ладони и посмотрел на папку, на сейф, на идеально чистую квартиру, которая теперь казалась не домом, а декорацией.

И впервые за все время расследования он задал себе вопрос, которого раньше избегал: а что, если дело не в том, кто это делает?

А в том...

как это вообще возможно?

Глава 6. Пропущенное время

Ян не помнил, как вышел из квартиры. Позже, прокручивая события, он мог восстановить последовательность действий — он закрыл сейф, повесил картину на место, снова опечатал дверь, даже кивнул консьержу на выходе, — но все это происходило как будто без его участия, на уровне привычки, автоматизма, выработанного годами службы. Настоящее сознание оставалось где-то позади, в той комнате, перед экраном, где мертвый человек говорил с ним так, будто знал, что произойдет дальше. Только когда холодный воздух улицы ударил в лицо, Ян остановился и глубоко вдохнул, пытаясь вернуть себе ощущение реальности.

Город жил своей жизнью. Люди спешили, разговаривали, кто-то смеялся, кто-то спорил по телефону, велосипедисты проносились мимо, едва не задевая прохожих. Все было на своих местах. Слишком на своих местах. Ян стоял посреди этого движения, ощущая себя чужим элементом, как деталь, которая не подходит к механизму, но каким-то образом все еще остается внутри него. Он достал телефон, посмотрел на экран — ни новых сообщений. Это было почти разочарованием.

— Значит, пауза, — пробормотал он.

Но он уже понимал: паузы здесь не случайны.

Он направился в управление, но не потому, что ожидал там ответы — скорее, потому что ему нужно было проверить одну вещь. Те самые пропущенные дни. Пустоты в досье. Он шел быстро, почти не замечая дороги, и в какой-то момент поймал себя на том, что пытается вспомнить хотя бы один конкретный момент из этих дней — разговор, место, лицо. Ничего. Только общее ощущение, что время прошло.

И это было хуже всего.

В управлении его встретил привычный шум — телефоны, голоса, шаги, звук клавиатур. Де Врис сидел за своим столом, склонившись над компьютером, и, судя по выражению лица, был погружен в работу. Он поднял взгляд, когда Ян подошел, и сразу понял, что что-то изменилось.

— Ты нашел что-то, — сказал он, не задавая вопроса.

Ян кивнул, но не стал сразу выкладывать все. Вместо этого он сел, положил папку перед собой и спросил:

— Три недели назад. Вторник. Мы работали?

Де Врис нахмурился.

— Три недели... — он повернулся к компьютеру, быстро пробежал по календарю. — Да. Дело о пропавшем студенте. Ты сам его вел.

— Помнишь детали?

Де Врис замер на секунду.

— В общих чертах... — он нахмурился сильнее. — Подожди.

Он открыл файл дела, пролистал, затем остановился.

— Странно.

— Что?

— Здесь нет финального отчета, — сказал Де Врис. — Вообще. Последняя запись — допрос свидетеля. Дальше — пусто.

Ян почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— А студент?

— Числится найденным, — ответил Де Врис, прокручивая данные. — Живым. Дело закрыто.

— Где отчет?

— Нет его.

Они переглянулись.

— Ты помнишь, как мы его нашли? — спросил Ян.

Де Врис открыл рот, но не ответил.

Потому что не мог.

— Это и есть один из дней, — тихо сказал Ян.

— Каких дней?

Ян открыл папку, перевернул несколько страниц и указал на дату.

— Этот. Его нет.

Де Врис посмотрел сначала на дату, затем на экран, затем снова на дату.

— Это невозможно, — сказал он.

— Уже нет.

В этот момент телефон Яна завибрировал.

Он даже не посмотрел сразу — сначала перевел взгляд на Де Вриса, словно проверяя, заметит ли тот что-то странное.

— У тебя звук есть? — спросил Ян.

— Какой звук?

— Вибрация.

— Нет.

Ян медленно достал телефон.

Сообщение:

«Ты начал вспоминать то, чего не должно быть. Это ошибка.»

Он показал экран Де Врису.

Тот прочитал, нахмурился.

— Это кто-то играет с тобой, — сказал он, но в голосе не было уверенности.

— Нет, — ответил Ян. — Это кто-то корректирует.

Он убрал телефон и снова посмотрел на экран компьютера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.